

DOI 10.25991/VRHGA.2025.2.2.009

УДК 1(091)

*И. А. Тульпе**

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОНЦЕПТ

В статье исследована историческую память как религиозно-нравственный концепт. Проанализирована ее роль в формировании коллективной идентичности и социальной солидарности. Автор рассматривает работы ключевых теоретиков, таких как М. Хальбвакс, П. Рикер и Й. Рюзен, подчеркивая различие между научной историей и коллективной памятью, которая часто служит инструментом идеологии. Особое внимание уделяется сакрализации исторических событий и героев, их влиянию на воспитание патриотизма и традиционных ценностей. Статья также затрагивает роль фольклора, лубков и коммеморативных практик в передаче исторической памяти. В заключении автор отмечает, что концепт «историческая память» не воспринимает исторической дистанции, легко актуализируя, вводя в «злобу дня» героические события и олицетворяющих их акторов, он формирует направление действий, сплачивая общество вокруг образов героев и подвигов.

Ключевые слова: концепт, историческая память, коллективная память, сакрализация, историческое сознание, идентичность.

I. A. Tulpe

HISTORICAL MEMORY AS A RELIGIOUS AND MORAL CONCEPT

The article explores historical memory as a religious and moral concept, analyzing its role in the formation of collective identity and social solidarity. The author reviews the works of key theorists such as M. Halbwachs, P. Ricoeur and J. Rüsen, emphasizing the difference between scientific history and collective memory, which often serves as a tool of ideology. Particular attention is paid to the sacralization of historical events and heroes, and their

* Тульпе Ирина Александровна — д-р филос. наук, доц., проф.; tulpei@yandex.ru, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 196605, Россия, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

Irina A. Tulpe — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of Philosophy; tulpei@yandex.ru, Pushkin Leningrad State University, 10, Peterburgskoye Shosse, Pushkin, Saint Petersburg, Russia, 196605 (Russia).

influence on the accomplishment of patriotism and traditional values. The article also touches on the role of folklore, popular prints and commemorative practices in the transmission of historical memory. In conclusion, the author notes that the concept of “historical memory” does not perceive historical distance, easily actualizing, introducing heroic events and actors personifying them into the “agenda”, it forms the direction of action, rallying society around the images of heroes and feats.

Keywords: concept, historical memory, collective memory, sacralization, historical consciousness, identity.

Слово *память* отсылает к прошедшему, к далекому и близкому прошлому, в этом смысле — к истории. Само словосочетание *историческая память* и обе его составляющих несколько десятилетий являются объектами научных дискуссий, которые и сами становятся предметом исследования [см. напр.: 1; 10].

Известный французский философ и социолог, задавший направления научных исследований исторической коллективной памяти, М. Хальбвакс (Maurice Halbwachs), отмечал, что в зависимости от времени и обстоятельств общество по-разному представляет себе прошлое — оно видоизменяет свои конвенции, без которых невозможны социальная жизнь и социальное мышление [18, с. 325]. Существенным предстает и различие автобиографической (внутренней или личной) и исторической (внешней или социальной) памяти [19].

Индивидуальная память имеет конкретную биолого-психологическую основу, на которую накладываются автобиографическая история, в свою очередь, содержащая социокультурные элементы. Для понимания контента индивидуальной и коллективной исторической памяти, выяснения способов их взаимодействия вопрос о специфике собственно человеческой памяти и выявления психологических механизмов усвоения ею социокультурных практик важны, о чем свидетельствуют исследования в области когнитивных наук, но для цели данной статьи это может быть обойдено вниманием.

В работах, посвященных проявлениям внеиндивидуальной (неиндивидуальной) памяти, термин *историческая память* обычно употребляется в синонимическом ряду с памятью социальной, коллективной, народной, групповой, культурной. Обладая спецификой, которую исследуют представители разных дисциплин, в мультидисциплинарном контексте они могут быть своего рода синонимами, обозначающими память социальной группы разного объема (от семьи до нации), который влияет на характер и глубину взаимодействия индивидуальной и коллективной составляющих, на соотношение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов типа транслируемых памятью и в память «исторических источников» и пр.

Основные направления исследований коллективной памяти (в *memory studies*), проблематики соответствия/несоответствия прошлого и меняющихся представлений о нем рассмотрены в монографиях А. В. Святославского, изучавшего социологические аспекты культуры памяти [14, с. 34–91] и Т. П. Емельяновой [6], в фокусе внимания которой находятся теоретические эмпирические решения в социальной психологии, не без оснований утверждающей, что именно «социальная психология в состоянии предложить как концептуальную модель онтологии коллективной памяти, так и операционализацию соответствующего понятия, исходя из методологии психологической наук» [6, с. 278].

Социальная память связана с историческим процессом, в ходе которого формируется человек как коллективный субъект и объект культуры (в целом и в ее локальных вариантах). В этом онтологическом смысле социальная, культурная, коллективная, народная, групповая и т. п. виды памяти историчны. Историческая память, в свою очередь, не может не быть социальной, культурной, коллективной etc., но отличается собственными контентом, дискурсом и интенцией.

Будучи социальной, историческая память исполняет такие функции, как

«...выравнивание индивидуальных воспоминаний, подчинение их единой логике; подчеркивание эпизодов прошлого, актуальных для настоящего; ассимиляция различных событий, рассказов и историй в единое целое; реконструирование прошлого в соответствии с требованиями настоящего; интегрирующая функция, реализуемая в коммеморативных обрядах в традиционных обществах; поддержание позитивной социальной идентичности через высвечивание подкрепляющих ее эпизодов, негативные эпизоды, связанные с культурной травмой, — к забвению» [7, с. 180–181].

В более узком значении *историческая память* подразумевает отрефлексированную, запечатленную в сознании историю, явленную памяти в событиях и лицах. Здесь следует разделить коллективную память об истории и научную историю как рациональное познание исторического процесса.

В обоих случаях коллективный субъект культуры реализует потребность в «культурной рамке ориентации» из прошлого в будущее. Но, по справедливому замечанию немецкого теоретика истории Й. Рюзена (Jörn Rüsen), было бы ошибкой утверждать, что историческое мышление и вместе с ним все дело исторической науки следуют лишь за культурными потребностями практической жизни людей; они имеют также свою собственную «логику», которая характеризуется главным образом методической рациональностью в трактовке эмпирических свидетельств прошлого [13, с. 12–13]. Впрочем, жизненно актуальная память с ее сильным эмоционально-аксиологическим компонентом, с ее воспоминаниями, необходимыми для человеческой жизни, видится противоположенной рациональности исторического знания — этой памяти, «помещенной в клетку накапливаемого знания» и не имеющей практической функции в жизни [13, с. 15].

Выработавший методологические принципы исследования исторического сознания Ю. А. Левада писал о том, что в каждую данную эпоху оно представляет собой определенную систему взаимодействия «практических» и «теоретических» форм социальной памяти, народных преданий, мифологических и научных представлений; оно фиксирует в своей структуре взаимосвязь многообразия вариантов «сознательного» и «бессознательного», «теоретического» и «практического», «научного» и «мифологического» и т. п. вариантов запоминания обществом своего прошлого, научное знание об истории выступает лишь одним из моментов [11, с. 305, 310].

О разнонаправленности истории и коллективной памяти писал М. Хальбакс: история представляет собой картину изменений: группа (общество), рассматриваемая извне в длительный период времени, свидетельствует

о происходящих изменениях. Коллективная память, рассматривающая группу изнутри, представляет ей ее собственный образ, который, развертываясь в относительно короткий период времени, остается неизменно узнаваемым в сменяющих друг друга картинах. В этой картине сходства и изменения, происходящие в отношениях группы с другими, показывают с разных сторон одинаковое содержание — различные фундаментальные черты самой группы [19]. Историческая память как солидаризирующий социальную группу концепт ориентирована не на историю, а на ее фрагменты, объективно принадлежащие разным эпохам с разными контекстами, унифицируя их, лишая их конкретной специфики и смыслов, останавливая тем самым движение истории вперед, то есть — превращая различия в сходства.

Французский историк Марк Ферро (Marc Ferro) выделяет три «очага» зарождения, распространения истории с собственными толкованиями отличающимися друг от друга по существу, форме и целям. Главенствует институциональная история, выражающая/узаконивающая политику, идеологию, режим. «Служит ли она Христу или султану, республике или церкви, или даже партии, она стремится подмять под себя историю, которая еще только формируется»: господствующие структуры (государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами) владеют средствами массовой информации и книгоизданием, включая школьные учебники и комиксы. В конечном итоге прошлое, «которое они отпускают всем и каждому, становится все более и более единообразным» [17, с. 8–9]. Параллельно с этой «историей победителей» может существовать — тоже институциональная — «история побежденных», которая возникает или возрождается там, где, прежде автономная, социальная группа чувствует себя подавленной, свою целостную самобытность разрушающейся, а свою историю — запрещаемой. Названная контристория отличается обращенностью вовне, определением себя по отношению к другим державам, верованиям и пр., а также конъюнктурностью (присущей ей как институциональной истории). Истории, независимо от ее тяги к научному знанию, присущи две функции: врачевание и борьба. Эти миссии осуществлялись в разные времена по-разному, но смысл их остается неизменным. Третий очаг истории — индивидуальная или коллективная память общества, у которой нет профессиональных историков с их научными правилами, что делает ее неуязвимой для критики со стороны официальной или учебной истории. Эти три очага «смешивают достоверное с иллюзорным, но никогда не устанавливают научной истины, которой мог бы довериться каждый, настолько различны и противоречивы толкования прошлого, которые они предлагают, навязывают, воспроизводят» [17, с. 306–308].

Рассуждая об истине в познании истории и проблеме взаимоотношения объективности и субъективности, П. Рикер (Paul Ricœur) надеялся, что к прошлому человеческих обществ история сможет найти доступ, который обладал бы достоинством эпистемологической объективности, возможной благодаря вовлеченной в нее, соответствующей ей субъективности историка, мечтая, что это будет история людей, которая поможет читателю, воспитанному на истории историков, построить «не только субъективность “я”, но и субъективность человека вообще» [12, с. 36].

Между тем интерес к фундаментальным принципам познания, приущим профессиональным практикам производства исторического знания, вытесняется интересом к культурным практикам символического изображения и воспроизведения прошлого в мемориалах, монументах, годовщинах, церемониях коллективных воспоминаний. Если в дискурсе памяти история и признается, то она

«...выступает просто как средство идеологии, представляющее историю в соответствии с интересами и нуждами элит, как оружие в борьбе за власть, используемое теми, кто волен определять семантические условия обмена в сфере конструкции, деконструкции и реконструкции коллективной идентичности» [13, с. 10].

Важный материал дает фольклорная «историческая» память, в которой осуществляется дихотомия «сакрального» и «профанного» (по Дюркгейму): памятуются, остаются в памяти герои и их подвиги. Исследователи русского фольклора отмечают, что большинство произведений, создававшихся в крестьянской среде, проникнуто героической темой; служение родной земле и православное благочестие — вот главные черты богатырей, отличающихся так же отсутствием тщеславия, личной выгоды, стремления к власти. «Богатырство было проникнуто идеей православного христианского служения, являлось формой церковного послушания» [1, с. 14]. Нередко былинные герои, будучи приверженцами христианской веры, противопоставляют себя «бусурманам» [5, с. 33]. Этническое начало с конфессиональным, подобно богатырям, сочетали образы защищавших землю святых князей. Государева служба — основное место приложения и проявления качеств героя — богатыря, воина. Из исторических и этнографических материалов известно, что в воспетое в былинах «эпическое время» еще существовала восходящая во многом к родовому обществу культура, которая объединяла разные сословия, и это в той или иной мере «сохранялось вплоть до XVIII века» [5, с. 35], то есть создание и бытование эпических творений и героев не ограничивалось крестьянской средой.

Наряду с историей, передававшейся изустно, самым доступным источником исторической информации, как показано Т. А. Ворониной [2], были очень популярные в народной среде лубочные картинки (широко распространенные в России во второй половине XVII — начале XX в.). Они были традиционным украшением крестьянской избы, часто встречались в домах провинциальных, главным образом, городов России, на постоянных дворах и на почтовых станциях. Архивные материалы выявляют преобладание лубков на военно-патриотическую тему (русско-турецкие войны XIX в., Крымская война, русско-японская война, Первая мировая война), широкое распространение изображений князей, царей и императоров, а также фольклорных героических персонажей. Изображения, сопровождавшиеся кратким описанием события и его оценкой.

«Имея в первую очередь большое познавательное значение, они становились источниками исторических знаний, выполняли воспитательную функцию, наглядно передавая подрастающему поколению факты и характеристики выдающихся деятелей отечественной истории» [2, с. 72].

Наделение фактов прошлого высоким нравственным статусом делает их идеалами, не сопоставляемыми с другими (профанными) историческими событиями, и не подлежащими пересмотру. Историческая память сакрализует избранные фрагменты исторического процесса, фрагменты прошедшего, присутствующие сейчас и обеспечивающие «уверенность в завтрашнем дне» традиции.

Концепты исторической памяти выражают/отражают вектор движения общества. Времена социальных переломов преодолевают оставленное прошлое и конструируют вектор движения: будущее, которое закономерно вытекает из прошлого. Список лиц, которых планировалось увековечить планом монументальной пропаганды (1918 г.), в самом большом разделе революционеров и общественных деятелей начинался со Спартака, Тиберия Гракха, Брута. Происходящее здесь и сейчас вписывалось в закономерный процесс всемирного и всестороннего революционного обновления, в котором задействованы не только революционные деятели-герои, но и теоретики и писатели, художники, актеры [15, с. 38–39].

В «постреволюционные» периоды стабилизации появляется развилка («точка бифуркации») между развитием общества и самосохранением государственной системы. Последнее обращается к историческому концепту увековечивания прошлого через внесение его в настоящее и обеспечения в будущем (воплощенная ретроспектива прошлого).

В первом случае положительно оценивается разрыв с «плохим» прошлым, преодоленным в борьбе с ним прогрессивных тенденций, реализуемых здесь и сейчас, во втором — угрожающей системе социальный хаос обусловлен разрывом с «хорошим», правильным прошлым, и этот негативный фактор должен быть преодолен ценностным восстановлением «хорошего». При этом второй вариант более присущ традиционным обществам, но в нем возможен и первый, в относительно короткой перспективе сменяемый вторым. В «гибридном» обществе историческая память традиционного типа может «работать» в тех стратах и в индивидуальном сознании, в которых присутствует мифоритуальный компонент.

Что помнит «историческая память» из академической истории? Можно утверждать, что в исторической памяти история как уже прошедший ряд событий — объективная реальность, даваемая нам главным образом набором школьных знаний с акцентами, расставленными не только академической наукой, но и министерствами народного просвещения, а также деятелями искусства, реализующими свое или «вышестоящее» видение.

Возможно, собственно стандарты школьного образования с их набором и объемом учебных дисциплин есть то общее, что объединяет (или «объединяет») несколько поколений соотечественников. Смена исторических вех довольно быстро приводит к смене вех и векторов школьных курсов истории, так что поколения дедов и внуков могут оказаться в различающихся кластерах исторических событий, персонажей, категорий, оценок. В этом случае историческую память сложно рассматривать солидаризирующим фактором. Но от этого общеобразовательного продукта, хотя и имевшего воспитательную установку, реализуемую с разной степенью успешности, отличается сконструированная

историческая память в качестве артефакта и концепта, выражающего общие религиозно-нравственные ценности, явленные в выбранных исторических событиях, озаменованных деяниями героических личностей.

В отличие от истории как научной дисциплины, которая, несмотря на разделенность всеобщей истории на периоды и страны, стремится за событиями и лицами увидеть тенденции и закономерности процесса, историческая память фиксирует историю не континуально (процессно), а дискретно, конструируя из выбранных фрагментов образы и образцы прошлого, преобразуя естественный исторический процесс в набор артефактов — как видимых коммеморативных объектов и ритуалов-перформансов, так и частично реализуемый через них наличный концепт исторической памяти.

История в «исторической памяти» не имеет ни эпистемологической интенции, ни эпистемологического смысла: «плохая» субъективность (используя термин П. Рикера) интерпретатора для отеческой задачи «воспитания народа» на исторических примерах заключается именно в том, что купируется если не способность к вопрошанию, то желание вопрошать. Например, грандиозный план преподавания всеобщей истории построен его автором Н. В. Гоголем так,

«... чтобы наводить на мысли и заставлять слушателей думать» для успешного достижения нравственно-патриотической цели, сформулированной следующим образом: «...образовать сердца юных слушателей той основательной опытностью, которую развертывает История, понимаемая в ее истинном величии; сделать их твердыми, мужественными в своих правилах, чтобы никакой легкомысленный фанатик и никакое минутное волнение не могло поколебать их; сделать их кроткими, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великого Государя, чтобы ни в счастье, ни в несчастье не изменили они своему долгу, своей вере, своей благородной чести и своей клятве — быть верными Отечеству и Государю» [3, с. 208, 209].

Подобно знанию священной истории, «историческое» знание обладает религиозной и нравственной ценностью, необходимой для научения правильной жизни.

Различные уровни привычного понимания причинности сводятся к презентации телеологического хода исторического процесса (как отражения константности духовного «ядра»). «Отборщик фактов» выделяет в (или — изымает из) цепи событий, так или иначе обозначенной исторической наукой, прагматически значимое (с его точки зрения) и конструирует концепт, вмещающий коллективные страхи («лишь бы не было войны») и надежды («лишь бы не было войны»). Здесь «процессность» истории и ее причинные зависимости могут представляться как отклонение от традиции, обусловленное внешними цивилизационными воздействиями на «прельщенное» сознание коллективного субъекта культуры, воздействиями, подменяющими или затемняющими в нем собственное духовное «ядро»; далее — вызванные «отклонением» негативные социальные и культурные последствия способствуют в конечном счете осознанию причин произошедшего (предпочтение материально-технических «благ цивилизации» исконным ценностям заповеданной предками «духовной культуры»). Кризис разрешается посредством раскаяния, возвращения к «ис-

тока» и обретением материально-духовного благополучия. Случающееся новое отклонение, вызванное новым соблазном новых поколений запускает причинно-следственную цепочку возвращения домой, к заветам предков. Реализация такого алгоритма представлена, например, в библейской книге Судей. Священная история религий в большем или меньшем количестве нарративов представляет поучающие образцы нравственного поведения или уклонения от них, о чем писали еще Спиноза [16] и Кант [8].

Религиозный компонент — божья помощь в исторических событиях; она свидетельствует о том, что бог с нами, он на стороне правого дела и здесь верность (избранного свыше) делу — нравственная обязанность, включающая кроме патриотизма традиционные семейные ценности. Религиозное начало проявляется и в подчеркивании относительности земных ценностей, включая земную жизнь героя, жертвующего собой «во имя царя и отечества». И обретающего в исторической памяти бессмертие, воплощаясь в новых героях и коммеморативных артефактах и ритуалах почитания. В «исторической памяти» о подвигах и героях — это предстает как дискретные, с одной стороны, феномены, с другой — сливающиеся в один «#подвиггероя» (олицетворение непобедимого победоносного народа). В этом смысле носителю исторической памяти неважен исторический контекст и закономерности исторического процесса и подробности хронологии, поскольку — и во время оно... Нравственный компонент ограничивается патриотизмом и традиционными семейными ценностями.

Субъективность творимой «исторической памяти» определяется представлением о необходимой в данный социокультурный момент поддержке для сохранения данного социального космоса, отделенного от окружающего хаоса. Желание «поновить» и использовать историческую память растет в ситуациях применения стратегии выживания — когда локальная культура выступает (для себя) в качестве главного или последнего актора, центром мироздания (мировая ось), преодоление хаоса в котором приведет к космоизации всего мира. Синоним хаоса — *другой* в смысле *чужой*. В гибридных (традиционно-новационных) культурах в этом качестве чужого могут выступать элементы новационной культуры (с я-индивидом и соответствующими культурно-социальными ценностями), повседневное бытовое проявление которых воспринимается традиционным укладом мы-индивида не просто с непониманием, а остро негативно. Борьба с угрозой надвигающегося хаоса требует мобилизации всех ресурсов, включающей и религиозно-нравственную «духовную» мобилизацию, реализуемую верностью истокам и призывами «исторической памяти» к их возвращению.

Внутригрупповая идентичность, солидарность — и условие, и результат стабильности, «повенчанной» с вечностью. «Историческая память», вводимая в качестве пробуждающей и укрепляющей духовную культуру населения, не эпистемологический феномен, а концепт-фантом, действующий на индивидуальные и коллективные элементы мифоритуального (традиционного) сознания, встроенные в сознание новационное. Степень эффективности зависит от индивидуального «новационного самочувствия», от потребности и готовности индивида к осуществлению себя в качестве объекта воздействия в парадигме внешней его я-йности.

П. Рикер писал, что сначала объективность возникает перед нами как научная интенция истории, затем она говорит о расхождении между хорошей и плохой субъективностью историка, «определение объективности из “логического” превращается в “этическое”» [12, с. 47].

Заключение

Концепт «историческая память» не знает исторической дистанции, легко актуализируя, вводя в «злобу дня» героические события и олицетворяющих их акторов. В ней соединяются память, по своему существу относящаяся к области опыта, придающего ей статус достоверности, и представление об истории как продукте союза памяти и репрезентации. Историческая *память* манифестирует культурное бессознательное традиционной культуры, а ее *историчность* (возможная с появлением истории с ее селекцией и оценкой фактов) — происходит из героических и/или трагических для конкретного социума фрагментов исторического процесса, определенного событийного ряда или «портретной галереи». Героический и трагический акценты имеют разнонаправленные цели — «можем повторить» против «не допустить повторения» (трагическая жертва). Первый вариант носит мобилизационный характер, поскольку геройство (персонифицированное событие) связано с победой над врагом, предстающей как борьба добра (мы) и зла (они), из чего вытекает мессианство и сакрализация. Историческая память как религиозно-нравственный концепт не дает исторического знания, а задает направление действия. В нем презентуется сплочение вокруг образа героя-подвижника, осененного божественной поддержкой. События и реальные акторы исторического процесса превращаются в аисторичные артефакты, концепты, в формы, наполняемые конструируемым смыслом. «Уроки истории» предстают как не подвергаемый внешним воздействиям религиозно-нравственный паттерн поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буганов А. В. Героическое в историческом фольклоре и народном сознании русских XIX–XX вв. // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX — начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. 367 с. С. 14–28.
2. Воронина Т. А. Героическая тематика в русских лубочных картинках XIX — начала XX века // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX — начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. 367 с. С. 48–75.
3. Гоголь Н. В. План преподавания всеобщей истории // ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 2. С. 189–209.
4. Грибан И. В. Историческая память как исследовательская проблема: анализ современных подходов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 1 (ноябрь). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-issledovatel'skaya-problema-analiz-sovremennyh-podhodov/viewer> (дата обращения: 11.09.2024).
5. Дмитриева С. И. Русский героический эпос в историко-этнологическом отношении // Героическое и повседневное в массовом сознании русских XIX — начала XXI вв. / отв. ред. А. В. Буганов. М.: ИЭА РАН, 2013. 367 с. С. 29–47.

6. Емельянова Т. П. Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
7. Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Несвик Т. А., Юревич А. В. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 424 с.
8. Кант И. Спор факультетов // Кант И. Сочинения: в шести томах / под общей ред. В. Ф. Асмуса и др. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 743 с. С. 311–348.
9. Кассирер Э. Технологии современных политических мифов (Из книги «Миф о государстве») // Политико-философский ежегодник. Вып. 4 / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И. К. Пантин. М.: ИФРАН, 2011. 203 с. С. 112–134.
10. Кознова И. Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // Социология власти. 2003. № 2. С. 23–32.
11. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Памяти Юрия Александровича Левады / [сост. Т. В. Левада]. Москва: Издатель Карпов Е. В., 2011. 475 с. С. 298–352.
12. Рикер П. История и истина / Пер. с фр. СПб.: Алетейя, 2002. 400 с.
13. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. 392 с. С. 8–26. [Электронный ресурс] URL <http://abuss.narod.ru/Biblio/ruzen.htm> (дата обращения: 18.06.2024).
14. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: «Древлехранилище», 2013. 592 с.
15. Семенцов С. В., Сперанская В. С. Ленинский план монументальной пропаганды и традиции императорской столичной культуры // Вестник гражданских инженеров. 2018. № 2 (67). С. 37–47.
16. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 2. М., 1957. С. 5–284.
17. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / пер. с фр. Е. И. Лебедевой. М.: Книжный Клуб 36.6, 2010. 480 с.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
19. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. [Электронный ресурс] URL: <https://culturolog.ru/content/view/3438/5/> (дата обращения: 15.02.2025).

REFERENCES

1. Buganov, A. V. Geroicheskoe v istoricheskom fol'klоре i narodnom soznanii russkikh XIX–XX — vv. [The heroic in historical folklore and popular consciousness of Russians in the 19th–20th centuries]. In: *Geroicheskoe i povsednevnoe v massovom soznanii russkikh XIX — nachala XXI vv.* Moscow, IEA RAN, 2013, pp. 14–28 (in Russian).
2. Voronina, T. A. Geroicheskaya tematika v russkikh lubochnykh kartinkakh XIX — nachala XX veka [Heroic themes in Russian lubok pictures of the 19th — early 20th centuries]. In: *Geroicheskoe i povsednevnoe v massovom soznanii russkikh XIX — nachala XXI vv.* Moscow, IEA RAN, 2013, pp. 48–75 (in Russian).
3. Gogol, N. V. Plan prepodavaniya vseobshchey istorii [Plan for teaching universal history]. In: *ZhMNP*, 1834, vol. 1, no. 2, pp. 189–209 (in Russian).

4. Griban, I. V. Istoricheskaya pamyat' kak issledovatel'skaya problema: analiz sovremennykh podkhodov [Historical memory as a research problem: analysis of modern approaches]. In: *Bulletin of Science and Practice*, 2016, 1 (November). Retrieved from [Electronic resource] URL <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-kak-issledovatel'skaya-problema-analiz-sovremennykh-podkhodov/viewer> (accessed: 11.09.2024) (in Russian).

5. Dmitrieva, S. I. Russkiy geroicheskiy epos v istoriko-etnologicheskom otnoshenii [The Russian heroic epic in historical and ethnological terms]. In: *Geroicheskoe i povsednevnoe v massovom soznanii russkikh XIX — nachala XXI vv.* Moscow, IEA RAN, 2013, pp. 29–47 (in Russian).

6. Emelyanova, T. P. *Kollektivnaya pamyat' o sobyitiyakh otechestvennoy istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [Collective memory of events in national history: a socio-psychological approach]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2019 (in Russian).

7. Zhuravlev, A. L., Sosnin, V. A., Kitova, D. A., Nestik, T. A., & Yurevich, A. V. *Massovoe soznanie i povedenie: Tendentsii sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy* [Mass consciousness and behavior: Trends in socio-psychological research]. Moscow, Institute of Psychology RAS, 2017 (in Russian).

8. Kant, I. Spor fakul'tetov [The conflict of the faculties]. In: Kant, I. *Sochineniya*, Moscow, Mysl', 1966, vol. 6, pp. 311–348 (in Russian).

9. Cassirer, E. Tekhnologii sovremennykh politicheskikh mifov (Iz knigi "Mif o gosudarstve") [Technologies of modern political myths (From the book "The Myth of the State")]. In: *Politiko-filosofskiy ezhegodnik*. Moscow, IF RAN, 2011, no. 4, pp. 112–134 (in Russian).

10. Koznova, I. E. Istoricheskaya pamyat' i osnovnye tendentsii ee izucheniya [Historical memory and the main trends in its study]. In: *Sociology of Power*, 2003, no. 2, pp. 23–32 (in Russian).

11. Levada, Yu. A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyy metod [Historical consciousness and scientific method]. In: *Pamyati Yuriya Aleksandrovicha Levady*. Moscow, Publisher Karpov E. V., 2011, pp. 298–352 (in Russian).

12. Ricoeur, P. *Istoriya i istina* [History and truth]. Saint Petersburg, Aleteyya, 2002 (in Russian).

13. Riuzen Iorn. Utrachivaia posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoi nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamiati) [Losing the coherence of history (some aspects of historical scholarship at the crossroads of modernism, postmodernism, and the debates on memory)]. In: *"Dialog so vremenem". Al'manakh intellektual'noi istorii*. Moscow, 2001, vyp. 7, 392 p., pp. 8–26. [Electronic resource] URL <http://abuss.narod.ru/Biblio/ruzen.htm> (accessed: 18.06.2024).

14. Svyatoslavsky, A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [Russian history in the mirror of memory: Mechanisms of forming historical images]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2013 (in Russian).

15. Sementsov, S. V., & Speranskaya, V. S. Leninskiy plan monumental'noy propagandy i traditsii imperskoy stolichnoy kul'tury [Lenin's plan of monumental propaganda and the traditions of imperial capital culture]. In: *Bulletin of Civil Engineers*, 2018, no. 2(67), pp. 37–47 (in Russian).

16. Spinoza, B. Bogoslovsko-politicheskiy traktat [Theological-Political Treatise]. In: *Izbrannyye proizvedeniya*, Moscow, 1957, vol. 2, pp. 5–284 (in Russian).

17. Ferro, M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How history is told to children in different countries of the world]. Moscow, Knizhnyy Klub 36.6, 2010 (in Russian).

18. Halbwachs, M. *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007 (in Russian).

19. Halbwachs, M. (n. d.). *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and historical memory]. Retrieved from [Electronic resource] URL <https://culturolog.ru/content/view/3438/5/> (accessed: 15.02.2025) (in Russian).